

Там твоя середь людей остается Душа

ОТПУЩЕНО СВЫШЕ ...

Желаемого репортажа не получилось. Хотя первой мыслью было сделать именно «репортаж с вкраплениями интервью». Не получилось, потому что в этот вечер в Доме журналиста, где праздновался день рождения Андрея Тарковского, собрались очень близкие режиссеру люди. Не было привычно торжественных речей. Просто сидели за прекрасным столом, накрытым женой Андрея - Ларисой, с которой режиссер был вместе 25 лет, смеялись, вспоминали различные случаи из жизни, фильмы, съемки. Здесь были Владимир Васильев и Элем Климов, Сергей Соловьев и Вадим Юсов, Глеб Панфилов и Екатерина Васильева... Так было заведено и при жизни Андрея. «Россия там - где мы с вами».

И вот что интересно - о Тарковском говорили так, как будто он только что встал и на минуточку вышел из комнаты. Он совершенно реально присутствовал среди нас, за столом.

Так получается, что личности мощные, светлые, пронзительные, цельные притягивают к себе всегда людей неординарных, талантливых. Создается некий круг. «Чтоб, - как говаривает почтенный Булат Шалвович, - не пропасть поодиночке». У Андрея Тарковского была судьба, которая выпадает на долю людей очень редких.

- Мне иногда кажется, что кино делится на новое и новейшее, - философствовал, поднимая очередную рюмку, Сергей Соловьев, который и сам бывал иногда не прочь высказаться с экрана с «космической придурью о шальном времени». - Мы были стаей волков. В этом, новейшем кино у этой стаи был один-единственный предводитель, вожак - Андрей

Тарковский. Мы все это чувствовали. Он ушел, и другого нет.

- Когда мы с Андреем уехали, - рассказывала Лариса Тарковская, - нам очень всех вас не хватало. Но мысль о вас, мои родные, поддерживала. Я нарушила завещание Андрея - я вернулась в Россию. Он говорил, что никогда - ни при жизни, ни после смерти не вернется в страну, которая принесла столько боли, горя и унижения его родным. Но я все-таки вернулась. Потому что чувствую, что обязана передать именно России те драгоценные материалы, которые остались после ухода Андрея. Может быть, в этом моя миссия, как при жизни было миссией - находиться всегда рядом с Андреем.

И твою икону, Сергей, - семейную реликвию, которую ты прислал нам в очень трудное время, когда Андрей был уже тяжело болен, на которую он любил смотреть, я положила ему в гроб... Он мне как-то сказал: «Ты знаешь, Ларисочка, если бы быть уверенным, что то, к чему я стремился, я смог отдать людям, то тогда и умереть не страшно...»

Он был еще и радостным, он очень любил жизнь. Все почему-то вспоминают, что он был ершистым, он был пессимистом. Он не был пессимистом, потому что человек, который имеет внутреннюю свободу, которой он обладал, - он не может быть пессимистом. Он всюду оставался самим собой.

-Для меня Тарковский, - вспоминает режиссер Андрей Разумовский, - это очень много. Был у него на съемочной площадке, почти на всех фильмах, кроме «Андрея Рублева». Помню очень смешной момент, когда мы вместе с Ларисой левым путем прокатывали фильм «Андрей Рублев». Нас преследовали, были беготня, погони. Как в американском боевике. Так зарабатывались деньги, надо было на что-то жить.

- Где это было?

- В Подмоскovie, в разных местах. Причем, когда все кончалось, мы разъезжались в разные стороны.

Представляете, это когда сейчас весь мир говорит: «Гений». Потом встречались на квартире...

Помню, как я занимался с молодежью и Андрей провел с нами четырехчасовую беседу. Эти четыре часа дали мне больше, чем полгода учебы во ВГИКе, в смысле понимания профессии. Кроме того, у Андрея снимались те люди, которых я очень любил - Толя Солоницын, Коля Гринько, Донатас Банионис. Вокруг Андрея была всегда замечательная творческая аура.

Рассказывает Глеб Панфилов: «Я часто смотрю его фильмы, часто думаю, мысленно советуюсь, спорю иногда. Очень близкий человек. Основная его черта? Пожалуй, острота взгляда необычная по отношению ко всему. Острота чувствования человека, пейзажа, взаимоотношений. Обостренная реакция на все. Вообще это интереснейший человек... Вот там есть фотография под стеклом - это очень памятный момент. Павловск. 1972 год. Он приехал со своей картиной - это был «Солярис», и этот день, проведенный в Павловске, был совершенно волшебным. Всего один. Поздно вечером они с Ларисой уезжали, но этот день, который прошел, и сейчас он для меня делится на минуты, каждая из которых воспринимается как огромное событие в жизни. Время это показало. С Андреем никогда не бывало тяжело. Он был, правда, очень требовательный в работе, но только для тех, кто не соответствовал его уровню. А в общении он человек необычайно остроумный, в застолье - замечательный! Это вообще человек-праздник, яркий, щедрый, отзывчивый».

- Основная черта его характера, - говорит Сергей Соловьев, - которая характеризует его как Тарковского - чрезвычайно серьезное отношение к тому, что он родился. К тому месту, где он родился. К тем людям, в результате любви которых он родился. Вот это самое главное. Чрезвычайно серьезное отношение к тому, к чему

мы обычно относимся крайне несерьезно.

- С Андреем я работал с его дипломом до картины «Солярис», - вспоминает оператор Вадим Юсов, - наши отношения строились всегда на желании быть единомышленниками. Он был понятным, близким. Мы очень доверяли друг другу. Но некоторые его режиссерские и даже операторские «прозрения» меня поражали. Часто задним планом. Хотя бы знаменитый эпизод с гусем на «Андрее Рублеве». Снимали в рапиде, в районе Печорского монастыря. На экране все замедленно. Красиво. Помните эту сцену? Внизу огромное количество людей, они как бы в таком завихрении, кружатся. Мы снимаем сверху, а действие - в овраге. И Андрей приносит гуся: «Я его сейчас кину в овраг, а ты снимай». - «Андрей, ну при чем тут гусь - он же летать не умеет. Что ты придумал?» - «Поверь мне. Давай...» Гусь падает медленно в этот овраг, машет крыльями. Плюс рапидная съемка. И на экране это получилось... гениально. А я ведь вначале не понял.

Среди друзей Тарковского были Екатерина Максимова и Володя Васильев. По утверждению Ларисы, трехлетний сын Андрея был просто влюблен в Катю, и они подшучивали над Владимиром как над «счастливым соперником». Катя в тот вечер Домжуре не было - она работала. А вот Владимир Васильев только что прилетел из-за рубежа и сразу приехал поздравить Ларису, встретиться с товарищами.

- Я вот сейчас сижу с вами за столом, - говорил Володя, - и думаю о том, что если после каждого из нас останется такое количество влюбленных в результаты нашего труда людей, какое осталось после ухода Андрея, которые будут собираться и поминать нас добрым словом, тогда жизнь наша прожита не напрасно.

Застольные разговоры
«подслушала»
Елена КУРБАНОВА.

Москва. правда. - 1996. - 9 апр. - с. 7.